

Русская мысль. — Париж. — 1995. —
«Первому человеку среди ныне живущих...»

20-26 июня. — с. 16.

Письмо Николая Жиляева Эдварду Григу

рактеристик, а главное, с приоритетностью самого содержания (так жиляевское эссе «Эдвард Григ» явилось первой в российском музыкоизании глубокой развернутой характеристической творчества гения норвежской музыки).

...Созданное в 1993 году в Москве Общество Эдварда Грига называло имена своих первых почетных членов. Ими стали исследователи творчества композитора — Финн Бенестад, Даг Шельдеруп-Эббе (Норвегия) и Ольга Левашёва (Россия).

Публикация приводимого ниже письма Николая Жиляева Эдварду Григу также всецело связана с инициативой Ольги Левашёвой. В июне минувшего года, перед поездкой в Берген, где мне предстояло выступить с

докладом на симпозиуме Эдварда Грига, я позвонил Ольге Евгеньевне. Она попросила спрятаться о наименовании в григовском архиве Бергенской библиотеки писем Николая Сергеевича Жиляева.

За время работы симпозиума мне лишь дважды удалось побывать в библиотеке. В первый раз мне ответили, что Жиляев в списке корреспондентов Грига не значится. Во второй раз я зашел в библиотеку вместе с Финном Бенестадом и Николаем Можовым. Они предположили, что написание фамилии Жиляева может быть вариантым (кстати говоря, в английском языке, к примеру, варианто и написание фамилии Чайковский). И буквально на наших глазах единственное хранящееся в архиве письмо Жиля-

зыва в своем рабочем домике в фиорде (помнится, именно там). Н.С. Жиляев подарил Григу привезенные с собой переводы Скрябина оп. II, и Григ, открыл первую страницу с непривычной фактурой прелюдии C-dur, сказал: «Das verstehe ich nicht». («Этого я не понимаю»). Впрочем, он, кажется, отказался от своих слов.

Жиляев побывал в Норвегии летом 1904 года. А менее чем через год он писал Григу из Москвы:

«Первый Человек среди ныне живущих, гениальный композитор!

Осмеливаясь принести Вам в дар, в память о моей поездке к Вам в Норвегию, клавир оперы «Руслан и Людмила» Глинки. К сожалению, у нас до сих пор нет хороших клавиров обеих опер Глинки («Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила»). Этот клавир не очень хорош и не точен, содержит множество опечаток; те, которые я заметил, я исправил. Хороший клавир будет у нас через два года (в 1907 г. — к 50-летию со дня смерти Глинки).

Я бы очень хотел получить от Вас несколько строк, чтобы узнать, какое впечатление произвело на Вас это сочинение.

Есть у меня к Вам еще одна большая просьба: я бы очень хотел исполнить как фортепианную пьесу Вашу песню «Весенний дождь» (оп. 49 № 6), но так как фортепианное сопровождение требует изменений, то не решаюсь это сделать сам. Вы осчастливите меня, прислав мне Ваше собственное переложение этой песни (в манере Ваших фортепианных транскрипций песен оп. 41 и оп. 52), — если это не слишком Вас затруднит и если найдете времени.

Осмеливаюсь также послать Вам мой первый опус.

Из Москвы Вам передают тысячи, миллионы приветов.

С глубоким уважением и превидностью

Ваш НИКОЛАЙ ЖИЛЯЕВ.
Москва, 11(24).III.1905

Мой адрес (по-французски):
Russie, Moscou, Conservatoire, à
Mr Nicolas Gliajeff (Россия, Москва, Консерватория, г-ну Николаю Жиляеву).

P.S. У нас теперь революция!!!*

Ответил ли Григ своему молодому российскому почитателю? Зная григовскую переписку со многими корреспондентами и присущую великому композитору деликатность, трудно представить, что он не поблагодарил за присланые издания.

Поскольку Н.С. Жиляев был репрессирован, Общество Эдварда Грига 8 июля 1993 года обратилось в Министерство безопасности России с запросом о его судьбе и судьбе его творческого архива. Вскоре пришел ответ (№10-А/2580 от 2 августа 1993 г.):

«На Ваше письмо от 8 июля 1993 года сообщаем, что Жиляев Николай Сергеевич, 1881 года рождения, уро-

Экземпляр клавира оперы Глинки «Руслан и Людмила», подаренный Жиляевым Григу.

женец г.Курска, арестован органами НКВД 3 ноября по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, 20 января 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день в г.Москве. Место захоронения неизвестно.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 апреля 1961 года Жиляев Н.С. реабилитирован.

Одновременно информируем, что Центром общественных связей МБ РФ 30 декабря 1992 года Государственному центральному музею музыкальной культуры им. М.И.Глинки были переданы 25 книг, изъятых у Жиляева Н.С. при аресте. Каких-либо материалов личного характера, относящихся к жизни и творческой деятельности Н.С. Жиляева, в Центральном архиве МБ РФ не имеется».

«Каких-либо материалов личного характера... Стало быть, нет и ответа на письмо Николая Жиляева, столь счастливо обнаруженное в григовском архиве? К сожалению, в отличие от многих творцов музыки и литературы, Григ не делал для себя копий собственных писем личного характера.

Но в вышедшем в 1984 году в Москве издании «Н.С. Жиляев. Литературно-музыкальное наследие» выдающийся исследователь-музыковед Даниил Житомирский, вспоминая об учителе, писал: «Знакомство с Григом было событием в жизни Николая Сергеевича; на протяжении многих лет он вспоминал об этих днях и не без гордости показывал ученикам несколько коротких писем, полученных им от Грига».

Конкретизировав свой запрос, мы вновь обратились в ведомство, ныне именуемое Федеральной службой контрразведки. И вот второй ответ (№10-А от 1 сентября 1994 г.): «На Ваше письмо от 8 июня 1994 г. в отношении Н.С. Жиляева сообщаем, что каких-либо материалов личного характера... в частности, касающихся композитора Эдварда Грига, в Центральном архиве ФСК России не имеется».

Что ж — во времена любых инквизиций скрывались, четвертовались, гильотинировались, расстреливались не только люди, но и овеществленная духовность. И можно ли представить себе, что обширная библиотека Жиляева, о которой вспоминает Ан.Александров, состояла всего из 25 книг? Известно также и о практике реализации имущества жертв репрессий, в том числе и ценных изданий. Что же касается рукописей, то если они и «не горят», то способов их уничтожения во все времена было немало...

Сегодня, однако, в нас радость светлого приобщения к эпистолярным строкам, открывшимся российским музыкантам в григовском архиве Бергенской библиотеки. Строкам, в которых звучат рядом имена Глинки и Грига.

ВЛАДИМИР БЛОК

Москва

Оригинал письма Н.Жиляева Э.Григу на немецком языке.

ева было обнаружено. Оказалось, что оно было закаталогизировано по имени Жиляева — Николай.

Письмо Жиляева датировано 11(24) марта 1905 года. Это было судебное время для обеих стран — судьбоносные месяцы, недели, даже дни. Россия, пережившая 9 января, жила ежедневно и ежечасно творимыми бурями. Норвегия до обретения независимости от шведской короны оставалась менее двух месяцев.

Интересный момент: клавир «Руслана и Людмилы» Глинки, упомянутый в приводимом ниже письме Жиляева, был включен в экспозицию в Бергенской библиотеке, приуроченную к юбилею Грига. Дарственная же надпись на норвежском языке и ремарки на титле этого издания не сопровождены подписью. И после ознакомления с письмом Жиляева норвежские коллеги и мы сразу же смогли убедиться, что перед нами тот самый глинкинский клавир, о котором идет речь в письме.

Но почему же именно Григу молодой российский музыкант послал тщательно откорректированное им издание «Руслана и Людмилы»?

В опубликованных воспоминаниях «О Н.С. Жиляеве» выдающийся русский композитор Анатолий Александров пишет: «Я знал его с 1906 г., когда он был еще совсем молодым человеком... К Жиляеву направил меня его друг и бывший учитель С.И. Танеев, чтобы я прошел под его руководством курс гармонии... Его кумиром были тогда Э.Григ, К.Дебюсси и А.Скрябин. С первых же дней занятий мы с ним стали проигрывать все, что только можно было достать из сочинений этих композиторов. Почти все, впрочем, имелось в обширной библиотеке самого Николая Сергеевича, постоянно пополнявшейся...»

Автор пишет о пребывании Жиляева в Норвегии, где он находился на лечении:

«...Н.С. не упустил возможности познакомиться лично с любимым композитором, которого он оценивал и объективно очень высоко, поскольку его своеобразный гармонический стиль очень повлиял на музыку не только скандинавскую, но и мировую (Дебюсси, Рахманинов, Мак-Доузел и многие другие европейские и американские композиторы). Григ принял

* Письмо Н.Жиляева Эдварду Григу опубликовано в «Российской музыкальной газете» (№1-2, 1994 г.) в переводе с немецкого О.Левашёвой. Вкравшаяся в текст опечатка («У нас теперь революция!!!») оказалась нечаянно пророчеством. Однако молодой музыкант писал только о «текущем моменте».